

скаго „aganda“—наука; „гадам“ Дан. II, 5; III, 29—отъ персидскаго „handam“—членъ; „патбаг“ Дан. I, 5, 8, 13—отъ древне-персидскаго „patibaga“—трапеза боговъ; „гедаберим“ Дан. III, 2, 3—отъ древне-персидскаго „gasbag“—казначей; „пеха“ Дан. III, 3, 27—отъ древне-персидскаго „raik“—намѣстникъ. „Аріохъ“ Дан. II, 14—ассир. Eri Ashu, т. е. рабъ богини Луны; Мисахъ Дан. I, 6—ассир. Misa Achu, т. е. кто какъ Аку—богъ луна; Седрахъ Дан. I, 6—Sudar Achu, т. е. повелѣніе бога Аку; Авденаго Дан. I, 6—Abad Nabu, т. е. рабъ бога Небо „ашафим“ Дан. II, 2—ассир. „assipu“; „табагайа“ Дан. II, 14—ассир. „tabihu“; „гашхин“ Дан. III, 16—ассир. hasruhu и т. п. Какъ произведеніе современника и очевидца описываемыхъ событій, книга пророка Даниила отличается далѣе полною историческою достовѣрностью своихъ сообщеній. Таковы, напр., рассказы объ отведеніи въ Вавилонъ іудейскихъ плѣнниковъ не лично самимъ Навуходоносоромъ, а по его приказанію Асфеказомъ (I, 3), о воспитаніи плѣнныхъ юношей при царскомъ дворцѣ и въ придворныхъ школахъ (I, 5—6), о раздѣленіи халдейскихъ жрецовъ и правительственныхъ чиновниковъ на различные классы (II и IV гл.; III, 3), о поставленной Навуходоносоромъ на полѣ Двиръ громадной золотой статуѣ (III гл.), о сопровождающей ея открытіе процессіи, о болѣзни Навуходоносора и т. п. Всѣ они находятъ подтвержденіе въ клиннообразныхъ надписяхъ и свидѣтельствѣ древнихъ писателей. (Подробнѣе см. объ этомъ и многомъ другомъ въ толкованіяхъ текста). Даже то, что считалось прежде ошибкой со стороны пророка (имена и личности Валтасара и Дарія Мидянина), оказывается теперь, благодаря новѣйшимъ открытіямъ въ области ассиріологіи, несомнѣнною правдою. Неудивительно поэтому, что въ глазахъ безпристрастныхъ ученыхъ данная особенность книги пророка Даниила является однимъ изъ убѣдительныхъ доказательствъ ея подлинности. „Чѣмъ чаще я читаю книгу пророка Даниила, говоритъ Ленорманъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ предо мною вѣрность картины древняго Вавилона. Такую картину могъ написать только современникъ и очевидецъ“. „Книга Даниила, замѣчаетъ другой ученый—Menant, съ величайшею точностью воспроизводитъ халдейскую цивилизацію эпохи Навуходоносора. Апокрифистъ не могъ такъ писать“. Оправдываемое содержаніемъ книги свидѣтельство пророка Даниила о себѣ, какъ современникѣ Вавилонскаго плѣна, подтверждается, наконецъ, книгою пророка Іезекиіля. Его вопросъ къ тирскому царю: „еда премудрѣе ты еси Даниила“ (XXVIII, 3)? предполагаетъ знакомство современниковъ плѣна съ содержаніемъ первыхъ пяти главъ книги Даниила, повѣствующихъ о его выдающейся мудрости. Другое мѣсто книги пророка Іезекиіля (XIV, 14—20) имѣетъ въ виду рассказъ второй главы книги Даниила о спасеніи имъ жизни халдейскихъ мудрецовъ.

Въ то время какъ при свѣтѣ указанныхъ данныхъ вопросъ о подлинности книги пророка Даниила рѣшается ортодоксальною библейскою литературою въ утвердительномъ смыслѣ, представители отрица-

тельного направлення не придають имъ значенія. Такъ, Кюнень старается ослабить силу свидѣтельства Иисуса Христа о Даниилѣ указаніемъ на то, что слова о „мерзости запустѣнія, реченной пророкомъ Данииломъ“ принадлежатъ не ему, а евангелисту, а Бертольдъ и де-Ветте выдвигаютъ противъ самосвидѣтельства Даниила то соображеніе, что въ книгѣ его имени встрѣчается такъ много чрезмѣрныхъ похвалъ Даниилу, что самъ пророкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ такъ писать о себѣ. Но что касается заявленія Кюнена, то ничѣмъ нельзя доказать фактъ измѣненія евангелистомъ словъ Господа о принадлежности Даниилу пророчества о семидесяти седмицахъ: по контексту они принадлежатъ Спасителю, а не евангелисту Матѳею. Равнымъ образомъ и встрѣчающіеся въ книгѣ пророка Даниила случаи похвалы по его адресу нисколько не говорятъ противъ авторства пророка. И дѣйствительно, въ указаніяхъ Даниила на свои достоинства (I, 17, 19, 20; VI, 4) нѣтъ и тѣни самохвальства. Онъ считаетъ ихъ дѣломъ милости Божіей, а не плодомъ личныхъ усилій. Милость Божія сдѣлала то, что пророкъ понравился начальнику евнуховъ (I, 9); Богъ, а не собственная мудрость открываетъ ему высшія тайны (II, 18—23, 28, 30); Онъ даровалъ ему разумѣніе „видѣній и сновъ“ (I, 17); духъ Божій возвысилъ Даниила при Даріѣ Мидяннѣ (VI, 3). Скромность и смиреніе пророка не ослабляется похвалами себѣ, такъ какъ наряду съ ними онъ говоритъ о своихъ грѣхахъ, въ которыхъ каялся (IX, 20), о своихъ умственныхъ и нравственныхъ слабостяхъ (X, 8; XII, 8). Еще менѣе свидѣтельствуя о самохвальствѣ Даниила тѣ мѣста его книги, въ которыхъ онъ приводитъ отзывы о себѣ постороннихъ лицъ (V, 11, 12; IX, 23; X, 11).

Не довольствуясь попытками ослабить силу внѣшнихъ и внутреннихъ доказательствъ подлинности книги пророка Даниила, представители отрицательнаго направлення приводятъ въ подтвержденіе мысли о ея подложности цѣлый рядъ положительныхъ данныхъ. По мнѣнію однихъ изъ нихъ, книга пророка Даниила не составляетъ произведенія одного писателя, а является сборникомъ отдѣльных отрывковъ, составленныхъ въ разное время разными авторами и затѣмъ объединенныхъ неизвѣстнымъ редакторомъ. Такъ, Михаэлисъ насчитываетъ 8 подобныхъ отрывковъ и слѣдовательно восемь первоначальныхъ писателей, Бертольдъ 9-ть, а Эйхгорнъ даже 10-ть. Какъ на сборникъ отдѣльных рассказовъ о Даниилѣ, смотритъ на книгу его имени Ганебергъ и въ самое послѣднее время Деличъ (Библия и Вавилонъ. 4-ое изд. стр. 51. 1907 г.). Другіе ученые,—Заккъ, Гербстъ, Келеръ, различаютъ въ книгѣ Даниила двѣ части, историческую и пророческую (I—VI гл. и VII—XII), какъ два самостоятельныхъ литературныхъ произведенія.

Основаніемъ для отрицанія единства книги пророка Даниила, а слѣдовательно, и подлинности служатъ употребленіе въ ней двухъ нарѣчій—еврейскаго (I—II, 3—VIII—XII гл.) и арамейскаго (II, 5—VII, 28 гл.), названіе пророка то въ первомъ лицѣ (VII—XII гл.), то въ

третьемъ (I—VI гл.) и, наконецъ, нѣкоторыя якобы противорѣчія (I, 21 ср. X, 1; II, 47 ср. III, 15; II, 48—9 ср. V, 11—14). Убѣдительныя для критиковъ рационалистовъ и то далеко не для всѣхъ (исключеніе составляютъ Блеекъ—Вельгаузенъ, Берманъ), указанныя соображенія въ дѣйствительности настолько слабы, что никоимъ образомъ не могутъ говорить противъ единства и подлинности книги пророка Даниила. По двойственности языка она подобна писаніямъ Ездры и Нееміи. У Ездры же на арамейскомъ языкѣ излагаются по преимуществу иноземныя царскіе указы и письма въ подтвержденіе ихъ исторической достовѣрности (I Ездр. IV, 11—22; V, 6—17). По тѣмъ же соображеніямъ и Даниилъ привелъ на арамейскомъ нарѣчій рѣчь халдейскихъ мудрецовъ и отвѣты на нее Навуходоносора (II, 4—11), два его указа (III, 96—100; IV гл.), изданные, вѣроятно на арамейскомъ языкѣ, и указъ Дарія Мидянина (VI, 25—27). Равнымъ образомъ и остальное содержаніе арамейскаго отдѣла требовало изложенія только на данномъ нарѣчій. Всѣ описанныя въ немъ событія возвѣщаютъ о безконечномъ всемогуществѣ верховнаго Царя Іеговы, держашаго въ своей власти всѣ царства земли; они — наглядное самооткровеніе, самосвидѣтельство истиннаго Бога среди язычниковъ вавилонской имперіи. И если послѣдніе должны были усвоить данную истину, то единственнымъ средствомъ къ этому являлось изложеніе раскрывающихъ ее событій на родномъ, понятномъ имъ языкѣ. Нужно для вавилонянъ пророкъ излагаетъ на арамейскомъ нарѣчій. Сообразно съ этимъ безъ ошибки можно сказать, что оставшая часть его книги написана на еврейскомъ языкѣ потому, что назначалась для еврейскаго народа, представляла и имѣла значеніе исключительно для него. И таково, дѣйствительно, описаніе жизни пророка Даниила, его воспитанія и возвышенія при царскомъ дворѣ (I гл.). Таковы же видѣнія объ языческихъ царствахъ въ ихъ отношеніяхъ къ еврейскому народу (VIII, X—XI гл.), пророчество о седминахъ (IX гл.) и будущемъ воскресеніи. Двойственность языка книги пророка Даниила не говоритъ такимъ образомъ противъ ея единства. Но этого мало. Единство не нарушается двойственностью. Арамейскій и еврейскій отдѣлы находятся въ самой тѣсной связи, и одинъ безъ другого непонятны. Такъ, арамейскій отдѣлъ исторической части (II, 4—VI гл.) нельзя отдѣлить отъ еврейскаго (I, 1—II, 3), потому что начало повѣствованія о Даниилѣ и снѣ Навуходоносора находится въ еврейскомъ отдѣлѣ, а прямое продолженіе—въ арамейскомъ. Именно, въ II, 4 говорится: „и сказали халдеи царю по-арамейски“. Кто такіе халдеи, по какому поводу, когда и какому царю они сказали, отвѣтъ на эти вопросы даетъ только еврейскій отрывокъ II, 1—3. Въ арамейской части употребляются безъ поясненія оба имени пророка: Даниилъ и Валтасаръ (II, 26; IV, 5—6, 15—16; V, 12), такъ какъ объясненіе дано авторомъ въ еврейской части (I, 7). Арамейскій рассказъ объ оскверненіи Валтасаромъ сосудовъ іерусалимскаго храма (V, 2 и д.), имѣетъ въ виду еврейское повѣствованіе I, 2. Равнымъ образомъ и еврейскій

отдѣлъ предполагаетъ своими выраженіями арамейскій. Такъ, выраженіе VIII, 1: „явилося мнѣ, Даніилу, видѣніе послѣ того, которое явилось мнѣ *прежде*“, отсылаетъ читателя къ видѣнію седьмой арамейской главы. Точно также и другія слова той же восьмой главы: „я началъ заниматься царскими дѣлами“ (27 ст.), находятъ свое объясненіе въ предшествующемъ арамейскомъ отдѣлѣ (II, 48—9; V, 29; VI, 28). Различные по языку, еврейскій и арамейскій отдѣлы книги пророка Даніила сходны также по символическимъ образамъ (VII гл. ср. VIII, X и XI гл.), выраженіямъ (VII, 25=VIII, 25; VII, 25=XII, 7; II, 34, 45=VIII, 25; IV, 27=VIII, 24; XII, 7) и раскрываемымъ въ нихъ мыслямъ. Они проникнуты идеею о зависимости языческихъ царствъ и владыкъ отъ всемогущаго Бога Израилева, держащаго въ Своей власти всѣ царства земныя, о скоротечности этихъ послѣднихъ и вѣчности царства Господня, торжествующаго надъ язычествомъ.

Не подрывается единство книги пророка Даніила и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ исторической части (I—VI гл.) о пророкѣ говорится въ третьемъ лицѣ, какъ лицѣ постороннемъ, а въ пророческой (VII—XII)—въ первомъ, какъ лицѣ, говорящемъ о самомъ себѣ. Подобный способъ выраженія не составляетъ чего-либо необычнаго въ библейской письменности,—наблюдается и у другихъ пророковъ. Излагая бывшія имъ видѣнія, они, подобно Даніилу, говорятъ о себѣ въ первомъ лицѣ (Ис. VI, 1; VIII, 1, 5; XXI, 2, 6, 10; Иер. I, 4; II, 1; Иез. I, 4), а въ историческихъ разсказахъ выражаются въ третьемъ (Ис. I, 1; II, 1; VII, 3; Иер. I, 1, 2; VII, 1; XIV, 1; Иез. I, 3 и т. п.). Причины такого явленія заключаются по мнѣнію экзегетовъ, въ томъ, что въ требующихъ живости изображенія видѣнійхъ первое лице гораздо умѣстнѣе третьяго.

Подобно противникамъ единства книги пророка Даніила, ея подлинность отвергаютъ и тѣ экзегеты, которые утверждаютъ, что она не есть произведеніе современника Вавилонскаго плѣна, а написана неизвѣстнымъ лицомъ въ Палестинѣ во время Антіоха Епифана и Маккавеевъ между 170 и 164 г. до Р. Хр. Первымъ защитникомъ подобнаго взгляда былъ неоплатоникъ Порфирій, за нимъ слѣдуютъ Спиноза, Бертольдъ, Ленгерке, Кнобель, Гитцигъ, Бунзенъ, Бахманъ, Эвальдъ, Нольдеке, Графъ, Римъ, Штаде, Кюнень, Корниль, Кенигъ, Мейнгольдъ и въ самое послѣднее время Деличъ. Единственнымъ прямымъ основаніемъ относить происхожденіе книги пророка Даніила къ эпохѣ Антіоха Епифана являются 23—25 ст. VIII гл. и 31 ст. XI гл., рассматриваемые перечисленными учеными, начиная съ неоплатоника Порфирія, не какъ пророчество объ отдаленномъ будущемъ, а какъ описаніе минувшихъ событій въ пророческой формѣ. Но подобное пониманіе данныхъ мѣстъ встрѣчаетъ ничѣмъ не устранимое возраженіе въ свидѣтельствѣ писателя I-ой Маккавейской книги. Если книга Даніила написана при Антіохѣ Епифанѣ, то почему же мнимый ея современникъ—авторъ Маккавейской книги счелъ ее пророчествомъ объ этомъ времени (I Макк.

II, 49—62; I, 39—54=Дан. IX, 27; XI, 31—32)? Относимая по указаннымъ соображеніямъ къ эпохѣ Антиоха Епифана, книга Даниила считается вышеперечисленными лицами аллегорически легендарнымъ воспроизведеніемъ исторіи этого царя и маккавейскихъ временъ. Подъ именемъ Навуходоносора, Валтасара и Дарія Мидянина выводится будто бы Антиохъ въ различныхъ обнаруженіяхъ своей ненависти къ іудейству, а подъ именемъ Даниила и его друзей—преслѣдуемые Епифаномъ іудеи. Неестественность подобныхъ параллелей очевидна сама собою. Данииль съ друзьями воспитывается при царскомъ дворѣ, окружается почестями, иногда, впрочемъ, живетъ въ отдѣленіи отъ дѣлъ правленія; маккавейскіе же іудеи были, напротивъ, цѣлью гоненій Антиоха, безжалостно имъ преслѣдовались. Данииль былъ другомъ почитавшихъ его царей, относился къ нимъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ (Дан. II, 38; IV, 16); Маккавеи же называютъ Антиоха „изобрѣтателемъ всѣхъ золъ, нечестивымъ и преступнѣйшимъ изъ всѣхъ людей (2 Макк. VII, 31—37), предвозвѣщаютъ ему страшный гнѣвъ Божій. Вавилонскіе и мидійскіе цари познали подъ руководствомъ Даниила силу Іеговы, прославили силу Его всевѣдѣнія, всемогущества, правосудія (Дан. II, 47; III, 95; IV, 34; VI, 26—27), а Антиохъ задался цѣлью уничтожить іудейскую религію, замѣнить ее языческою и въ виду этого требовалъ отъ іудеевъ отреченія отъ обрядности, обрѣзанія, принесенія жертвъ Іеговѣ (I Макк. I, 41—42; 44—50).

Не менѣе слабы и остальные соображенія ученыхъ въ защиту маккавейскаго, точнѣе послѣплѣннаго происхожденія книги пророка Даниила. Такова прежде всего ихъ ссылка на отсутствіе имени пророка въ встрѣчающемся у Іисуса сына Сирахова перечнѣ знаменитыхъ мужей древности: отъ Іезекиіля и 12 пророковъ онъ прямо переходитъ къ Зоровавелю (XLIX. 10—13), и на незнакомство съ книгою Даниила послѣплѣнныхъ пророковъ Аггея, Захаріи и Малахіи. Непонятное въ своихъ причинахъ замалчиваніе Сирахомъ пророка Даниила не можетъ однако служить основаніемъ относить время жизни послѣдняго къ позднѣйшей эпохѣ по тому одному, что и неупоминаемые Сирахомъ Іосафатъ, Ездра должны быть также признаны жившими въ III в. до Р. Хр. Не упоминая имени Даниила, Сирахъ, какъ думаютъ, знакомъ однако съ его книгою, доказательствомъ чего служитъ его ученіе о вождахъ cadaго народа и замѣчаніе о преемственной смѣнѣ монархій (XVII, 14; X, 8; ср. Дан. X, 13, 20—21; II, 37—45). Что касается незнакомства съ книгою Даниила послѣплѣнныхъ пророковъ, то и оно—вымышленное, а не дѣйствительное. Такъ, нѣкоторыя темныя мѣста пророчествъ Захаріи становятся ясными лишь при сопоставленіи ихъ съ соотвѣтствующими пророчествами Даниила, которыя предполагаются ими, какъ извѣстныя. Сюда относятся экзегетами видѣнія о четырехъ рогахъ, „разбросавшихъ Іуду, Израіля и Іерусалимъ“ (Зах. I, 18—21) и о четырехъ колесницахъ съ различными въ каждой конями (VI, 1—8). Полную параллель тому и другому составляютъ видѣнія Даниила о

четырехъ преемственно господствовавшихъ надъ іудеями царствахъ. Нисколько не говорятъ о маккавейскомъ происхожденіи книги пророка Даніила и особенности ея языка,—прежде всего встрѣчающіяся въ ней греческія выраженія. Бертольдъ насчитываетъ ихъ десять: *panterim* (I, 3)—знаменитые, отъ *πρότιμοι*; *pitgam* (III, 16; IV, 14)—слово, отъ *φθέγμα*; *karoz* (III, 4)—глашатай, отъ *κῆρυξ*; *keraz* (V, 29)—провозглашать, отъ *κηρύσσειν*; *patisch* (III, 21)—исподнее платье, отъ *πέτασος*; *pebisba* (II, 6; V, 17)—подарокъ, отъ *πέρισμα*; *sabka* (III, 5) отъ *σαμβύκη*; *sumphonia* (III, 5), отъ *συμφωνία*; *pesanterim* (III, 5) отъ *ψαλτήριον*, *kitros* отъ *κίθαρις*. Другіе же ученые—Люкке и де-Ветте значительно ограничиваютъ это число: признаютъ за несомнѣнно греческія слова названія четырехъ музыкальныхъ инструментовъ. Ихъ употребленіе въ книгѣ пророка Даніила не можетъ служить доказательствомъ ея составленія въ эпоху Александра Македонскаго и распространенія на востокѣ греческаго языка, т. е. не ранѣе III в., какъ утверждаютъ ученые, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ взаимныя сношенія вавилонянъ и грековъ начались задолго до Александра Македонскаго, ранѣе даже Навуходоносора. Такъ, современникъ пророка Исаиі ассирійскій царь Саргонъ зналъ, какъ видно изъ одной его надписи іонянъ, называлъ омывающее островъ Кипръ Средиземное море Іонійскимъ и даже принималъ пословъ отъ семи князей этого острова (Рагозина. Исторія Ассиріи. Стр. 306). Позднѣе Асаргадонъ и Ассурбанипаль подчинили своей власти греческихъ царей острова Паѳоса, Кипра и др.; наконецъ, во время вавилонскаго плѣна греки уже настолько хорошо были знакомы съ Востокомъ, что современникъ плѣна Анаксимандръ составилъ карту древняго міра.

При подобномъ же знакомствѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если ассиро-вавилонянамъ издавна были извѣстны греческіе музыкальные инструменты и вошли у нихъ въ употребленіе подъ греческими же именами. И дѣйствительно, псалтирь изображена на барельефѣ Ассурбанипала, а киеара въ усовершенствованномъ видѣ — на памятникахъ позднѣйшихъ царей. Во-вторыхъ, греческое происхожденіе упоминаемыхъ Даніиломъ инструментовъ и ихъ названій далеко не такъ безспорно, какъ думаютъ. Атений считаетъ, напр., мѣстомъ происхожденія самвики Сирію, а Страбонъ называетъ ее „варварскій инструментъ“. Съ востока она перешла въ Грецію, а не наоборотъ. Въ зависимости отъ этого и семитическое „*sabka*“ можетъ быть признаваемо не производною формою отъ греческаго „*σαμβύκη*“, а первоначальною по отношенію къ этому послѣднему. Что касается названія „киеара“, то оно, можетъ быть, происходитъ отъ персидскаго „*sitarah*“ — шести-струнная. Наконецъ, и „песантеримъ“ признается словомъ семитическаго происхожденія,—производится или отъ „*rhas*“—рука и „*natar*“ прыгать, или отъ арабскаго „*santir*“—гусли. Къ такому выводу пришелъ за послѣднее время датскій ученый Дитлеф-Нильсенъ, утверждающій, что китросъ, песантеримъ, синопейя представляютъ реченія, образовав-

шіяся не изъ греческаго, а изъ основъ халдейскаго или древне-арамейскаго языка (Хр. Чт. 1903, 1, стр. 674). Кромѣ названій музыкальныхъ инструментовъ, въ языкѣ книги пр. Даниила встрѣчаются, по мнѣнію ученыхъ, и другія особенности, отличающія его отъ языка плѣна и приближающія къ языку послѣплѣнной эпохи. Такъ, у Даниила Навуходоносоръ называется, говорятъ, Небукаднецаръ, а у пр. Іезекиіля (XXVI, 7), какъ и въ клинообразныхъ надписяхъ, Небукадрецаръ. Произношеніе Даниила есть позднѣйшее перезвучіе даннаго имени, имѣющее параллели у LXX, Бероза и Іосифа Флавія. Но указывать только эти параллели значитъ замалчивать, что имя Небукаднецаръ встрѣчается у пр. Іереміи XXVII, 6; XXVIII, 11, 14 и 4 Цар. XXV, 22, а потому его употребленіе въ книгѣ Даниила не можетъ служить доказательствомъ ея позднѣйшаго происхожденія. Не говорятъ объ этомъ и случаи совпаденія ея языка съ языкомъ талмуда и арамейскимъ: въ томъ и другомъ „непрерывная жертва“ обозначается словомъ „tamid“ (Дан. VIII, 11—12; XI, 31), у Нееміи же „olah tamid“ (X, 34); „родъ“, „поколѣніе“—„gil“, (Дан. I, 1, 10) „обрѣзывать“—„chattak“, (IX, 24) „записывать“—„gascham“ (X, 21). Эти и подобныя имъ примѣры, — форма множественнаго числа 2-го лица — „Khom“ и „hom“ свидѣлствуютъ лишь о близости языка книги пр. Даниила къ арамейскому и о бѣльшей окраскѣ его арамейскими формами, чѣмъ у другихъ писателей. хотя и у этихъ послѣднихъ нерѣдко можно встрѣтить „арах-legomena“, имѣющія параллели только въ арамейскомъ нарѣчій (Юнгеровъ *ibid*, стр. 95—6). Какъ на признакъ послѣплѣннаго происхожденія книги пр. Даниила указываютъ еще на употребленіе въ ней слова „халдеи“ въ нарицательномъ смыслѣ „мудрецы“ (I, 4; II, 4, 10; V, 7, 11); подобнаго значенія оно не могло будто бы имѣть въ вавилонскую эпоху. Но употребленіе термина „халдеи“ въ значеніи „мудрецы“ подтверждается свидѣтельствомъ древнихъ писателей, между прочимъ Діодора Сицилійскаго и Геродота, изъ которыхъ первый называетъ ихъ людьми, „посвящающими всю свою жизнь занятію философскимъ мышленіемъ и астрологіей“. Лишено также основанія заявленіе, что вавилонскіе мудрецы не могли говорить по-арамейски (II, 4), т. е. языкомъ палестинскихъ сирійцевъ. Уже пр. Исаія отмѣчаетъ, что „по-арамейски“ объяснялись ассирійскіе чиновники Сеннахерима и іудейскіе Езекиі (Ис. XXXVI, 11). Пророкъ же Іеремія признавалъ арамейскій языкъ общеупотребительнымъ въ Вавилонѣ (X, 11).

Послѣднимъ даннымъ для отнесенія книги Даниила къ послѣплѣнной—маккавейской эпохѣ являются ея будто бы позднѣйшія вѣрованія. Таково ученіе о Богѣ (VII, 9—10), о Мессіи — Сынѣ Человѣческомъ (VII, 13) и вѣчномъ царствѣ Его (II, 44; VII, 13—14; XII, 1—3), объ ангелахъ вышнихъ и низшихъ (VIII, 16; IX, 21; X, 13, 20, 21; XII, 1), о воскресеніи мертвыхъ (XII, 2), объ обычаѣ три раза въ день молиться, обращаясь лицомъ къ Іерусалиму (VI, 10), о постѣ и т. п. Но всѣ эти вѣрованія имѣютъ болѣе раннее происхожденіе. Такъ, образъ

Иеговы почти тѣми же самыми чертами опредѣляется у пр. Іезекиіля (Ср. Дан. VII, 9—10 съ Іез. I. 26—27); о Мессіи и Его вѣчномъ, праведномъ и мирномъ царствованіи говоритъ Исаія и другіе доплѣнные пророки (Ис. IX, 6—7; Пс. LXXI). Ученіе объ ангелахъ составляетъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ ветхозавѣтной догматики. Доплѣнные книги говорятъ объ архистратигахъ и воинствѣ небесномъ (I. Нав. V, 14; Пс. CII, 20—21), объ ангелахъ народовъ и племенъ (Исх. XIV, 19; XXIII, 20; XXXII, 34), объ ангелахъ хранителяхъ частныхъ лицъ (Быт. XVI, 7—9; XIX, 1; XXI, 17; Іов. XXXIII, 23 и др.); не чуждо также имъ и ученіе о воскресеніи мертвыхъ (Іов. XIX, 25—26; Ис. XXVI, 19, 21; LXVI, 24; Ос. XIII, 14; Іез. XXXVII, 3—14). Обычай трижды въ день молиться Богу существовалъ задолго до плѣна (Пс. LIV, 18), а обращеніе во время молитвы лицомъ къ Іерусалиму, частнѣе къ святилищу, вошло въ употребленіе со времени устройства его тамъ (Пс. V, 8; XXVII, 2; CXXXVII, 2). Къ Іерусалиму и его храму, какъ мѣсту пребыванія Иеговы, должны были направлять свои молитвенные помыслы и плѣнные іудеи (3 Цар. VIII, 46, 48; 2 Пар. VI. 34). Что касается поста, то уже современникъ плѣна вавилонскаго — пр. Іезекииль также заботился о сохраненіи себя отъ оскверненія пищею (Іез. IV, 14).

Составъ книги пр. Даніила и ея главная мысль. Со стороны своего содержанія книга пр. Даніила раздѣляется на двѣ части: историческую (I—VI гл.) и пророческую (VII—XII гл.). Въ первой описываются жизнь пр. Даніила и современныя ему событія въ вавилонскомъ и мидо-персидскихъ царствахъ, въ коихъ онъ или его друзья принимали непосредственное участіе; во второй излагаются бывшія ему видѣнія и откровенія о судьбѣ Іудеи и языческихъ царствъ, имѣвшихъ вліяніе на исторію народа Божія, отъ плѣна Вавилонскаго и до утвержденія на землѣ царства „святыхъ Вышняго“. Первое изъ нихъ, падающее на первый годъ Валтасара, это видѣніе четырехъ животныхъ, означающихъ четыре царства въ ихъ преемственной послѣдовательности: вавилонское, мидо-персидское, македонское (греческое) и римское (VII гл.); второе (третій годъ Валтасара) видѣніе овна и козла, — символовъ царствъ мидо-персидскаго и греческаго (VIII гл.); третье (первый годъ Дарія Мидянина) видѣніе о семидесяти седминахъ (IX гл.) и, наконецъ, четвертое—видѣніе о будущей судьбѣ народа еврейскаго въ связи съ исторіей двухъ языческихъ царствъ — египетскаго и сирійскаго (X—XII гл.). Различныя по содержанію, обѣ части книги пр. Даніила раскрываютъ одно ученіе о всемірномъ царствѣ Божіемъ и Сынѣ Человѣческомъ въ ихъ торжествѣ надъ язычествомъ. Въ своемъ развитіи оно сводится къ двумъ положеніямъ: всемірное царство не можетъ навсегда остаться во власти язычниковъ, оно существуетъ только при посредствѣ и ради Израіля; въ лицѣ Сына Человѣческаго послѣдній предназначенъ къ господству надъ міромъ, осуществленію на землѣ царства Божія. Уясненію перваго положенія посвящены шесть началь-

ныхъ главъ книги пр. Даниїла. Власть надъ міромъ, учать онѣ, при надлежитъ одному Всевышнему Богу. Но Его царство откроется и наступитъ по истеченіи извѣстнаго времени, послѣ паденія четырехъ міровыхъ монархій (II гл.). До этого же времени Господь вручаетъ власть надъ вселенной то одному, то другому монарху. Языческіе цари могутъ быть владыками міра лишь подъ условіемъ сознанія зависимости своей власти отъ верховной власти Бога. Такъ, Навуходоносоръ, лишенный престола за гордость и высокомѣрное отношеніе къ Господу силъ, остался царемъ лишь потому, что подъ конецъ своей жизни исповѣдалъ величіе и силу Бога Израилева (IV гл.). Но какъ это, такъ и два предшествовавшихъ исповѣданія (II—III гл.) имѣетъ значеніе для него одного и не сопровождаются никакими результатами для его подданныхъ. Они остаются язычниками, не знающими истиннаго Бога, того Бога, который даруетъ спасеніе не только іудеямъ, но и имъ. Поэтому они и не могутъ быть владыками міра. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ яснѣе и яснѣе становится эта невозможность. Преѣмники Навуходоносора уже утрачиваютъ понятіе о происхожденіи своей власти. Его потомокъ Валтасаръ зналъ, что царство, величіе, честь и слава даруются Богомъ (V, 18—22), и тѣмъ не менѣе вознесся противъ Владыки небесъ, — осквернилъ сосуды іерусалимскаго храма. За это онъ лишился престола и жизни: Вавилонская имперія гибнетъ тогда, когда повелитель ея позабываетъ истиннаго Бога. Власть переходитъ къ другому царю—Дарію Мидянину. Онъ не нуждался, подобно Навуходоносору, въ наставленіяхъ со стороны пр. Даниїла для познанія истиннаго Бога, котораго считаетъ владыкой вселенной. Уважаетъ онъ и Даниїла, видя въ немъ служителя Божія. Но это отвлеченное знаніе не принесло Дарію пользы. Онъ не имѣетъ силы и мужества всенародно исповѣдать свою вѣру въ Бога и защитить Его служителя Даниїла, — позволяетъ бросить его въ львиный ровъ. Дарій не врагъ Бога, какъ Валтасаръ, но и не такой убѣжденный поклонникъ Его, какъ Навуходоносоръ. Онъ дѣйствуетъ нерѣшительно, поступаетъ то вопреки совѣсти, то сообразно съ нею. Безхарактерный, не твердый въ вѣрѣ Дарій такъ же не могъ быть владыкою міра, какъ и легкомысленный Валтасаръ. Такъ разъясняется на примѣрахъ изъ жизни языческихъ царей основное положеніе книги пр. Даниїла о неспособности язычниковъ быть владыками міра. Понятіе объ истинномъ Богѣ, которымъ царіе царствуютъ, не только не дѣлаетъ среди нихъ прогресса, но, наоборотъ, все болѣе и болѣе ослабляется. При такихъ условіяхъ власть надъ міромъ не можетъ оставаться въ рукахъ язычниковъ, а должна перейти къ другому народу. И этимъ народомъ можетъ быть только Израиль. Владыкою народовъ и вселенной онъ является уже при Навуходоносорѣ въ лицѣ своего представителя пр. Даниїла. Но дѣйствительнымъ правителемъ міра онъ сдѣлается лишь послѣ паденія четвертой монархіи. Царство перейдетъ тогда къ „святымъ Вышняго“, возглавляемымъ Сыномъ Человѣческимъ, и они будутъ владѣть имъ

„во вѣкъ и во вѣки вѣковъ“. Возстановленіе славы и могущества Израиля въ этотъ, а не иной какой-либо періодъ опредѣляется тѣмъ, что только къ данному времени будутъ прощены всѣ его прегрѣшенія, мѣшавшія до сихъ поръ открытію среди него вселенскаго царства Божія (IX гл.). Въ составъ открывающагося съ даннаго момента вселенскаго царства войдутъ всѣ „записанные въ книгѣ“. Его членами сдѣлаются и имѣющіе воскреснуть въ послѣдствіи мертвые. Они возстанутъ для участія въ благахъ спасенія, для полученія награды за свое благочестіе. Возстанутъ и грѣшники, но — для того, чтобы подвергнуться наказанію за содѣянное зло (X—XII гл.). Главою этого вѣчнаго царства будетъ Сынъ человѣческой, — обѣтованный Мессія.

Положеніе книги пр. Даниила въ канонѣ и ея каноническое достоинство. Въ греко-славянской Библии книга пр. Даниила занимаетъ среди пророческихъ книгъ четвертое мѣсто. Оно отводится ей, согласно исчисленію ветхозавѣтныхъ книгъ, въ Синайскомъ кодексѣ (Исаія, Іеремія, Іезекииль, Данииль и 12 пророковъ). Въ кодексахъ же Александрійскомъ, Ватиканскомъ, въ 85 апостольскомъ правилѣ, 60 пр. Лаодикійскаго собора въ 39—праздничномъ посланіи Аванасія Великаго, у отцевъ церкви — Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Богослова, Амфилохія Иконійскаго, Епифанія Кипрскаго, Іоанна Дамаскина книга Даниила поставлена послѣднею между пророческими, а въ реестрѣ Мелитона Сардійскаго и Оригена — ранѣе книги пр. Іезекииля. Помѣщаемая въ христіанскомъ канонѣ въ отдѣлѣ пророческихъ писаній, книга Даниила занимаетъ у евреевъ неодинаковое мѣсто. При Сирахѣ она, повидимому, не считалась пророческою (XLIX, 10—12), при Іосифѣ Флавіѣ признавалась таковою, (Древн. X кн., 10—11 гл.), а нынѣ, какъ и при бл. Іеронимѣ, относится къ отдѣлу писаній (кетубимъ). „Напоминаю, говоритъ онъ, что у евреевъ не считали Даниила между пророками, но между тѣми, которые написали агіографы“. И дѣйствительно, талмудисты не признавали Даниила пророкомъ. „Данииль, читаемъ въ Мидрашѣ, не былъ пророкъ, если даже сравнить съ тремя послѣдними пророками, но за то онъ былъ провидецъ и апокалиптикъ, чѣмъ не были тѣ“ (Fürst. Kanon., 101 стр.). По словамъ современныхъ бл. Іерониму іудеевъ, отнесеніе книги пр. Даниила къ отдѣлу „писаній“ обуславливалось его жизнью при иноземномъ дворѣ (Сопт. in. Dan. I, 111).

Наличность книги пр. Даниила въ древнѣйшихъ исчисленіяхъ каноническихъ книгъ является убѣдительнымъ и яснымъ доказательствомъ ея каноническаго достоинства. Въ качествѣ канонической, хотя безъ упоминанія имени автора, она нерѣдко цитируется въ Новомъ Завѣтѣ въ рѣчахъ І. Христа и Его апостоловъ. Такъ, помимо ссылки на Дан. IX, 27, Спаситель примѣняетъ къ Себѣ заимствованное, по общему мнѣнію, изъ книги Даниила наименованіе „Сынъ человѣческой“ (Дан. VII, 13; Мѣ. X, 23; XVI, 27—28; XIX, 28; XXIV, 30; XXV, 31 и т. п.) и тѣмъ самымъ подтверждаетъ ея мессіанское богодухновенное ученіе. Вполнѣ согласно съ Данииломъ очерчивается І. Христомъ и образъ „Сына человѣческаго“. Онъ грядетъ на облакахъ съ силою и